

Протокол к Конвенции о запрещении бактериологического (биологического) оружия – история, основные положения, значение и причины неподписания

© КОЛЛЕКТИВ АВТОРОВ, 2021

УДК 577:355.424.92

<https://doi.org/10.35825/2587-5728-2021-5-1-4-21>

С.В. Петров, М.В. Супотницкий

Федеральное государственное бюджетное учреждение
«27 Научный центр» Министерства обороны Российской Федерации,
105005, Российская Федерация, г. Москва, Бригадирский переулок, д. 13

Поступила 30.01.2021 г. Принята к публикации 20.03.2021 г.

Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении (КБТО) не имеет юридически обязательного режима проверки. Попытка Специальной группы экспертов, созданной Комитетом ООН по разоружению, укрепить КБТО путем разработки юридически обязывающего документа – Протокола, в июле 2001 г. была заблокирована США. Цель работы – изучить историю, основные положения, значение и причины неподписания Протокола к КБТО. Основное внимание уделяется логике событий в области контроля над биологическим оружием, которые привели ряд стран к пониманию необходимости разработки Протокола. Предметом отдельного рассмотрения стала подоплека действий США по блокированию этого документа. На проходившей с 8 по 25 сентября 1986 г. в Женеве второй обзорной Конференции по осуществлению Конвенции СССР, ГДР и ВНР внесли предложение о выработке и принятии Протокола в качестве дополнения к КБТО. Разработанный документ должен был установить общие положения, определения терминов, перечни агентов и токсинов, перечни оборудования, которое присутствует или используется на производственном объекте, пороговые количества биологических агентов, предназначенных для оценки средств и методов защиты. Механизм предполагаемой проверки был основан на трех «столпах»: на заявлениях, которые должны были включать в себя основную информацию о соответствующих возможностях каждого государства-участника; на посещениях, в ходе которых предполагалось проведение оценки достоверности деклараций; на расследованиях, которые должны были проверять и подтверждать или не подтверждать предполагаемое несоблюдение Конвенции. Режим проверки должен был находиться под контролем международной организации – Организации по запрещению бактериологического (биологического) и токсинного оружия. Однако против международных инспекций выступило военное ведомство США и фармацевтические компании. Особую роль в блокировании Протокола сыграл заместитель госсекретаря США по контролю за вооружениями и международной безопасности Джон Болтон (John Robert Bolton II). В ходе Пятой обзорной конференции в декабре 2001 г. он потребовал прекращения мандата Специальной группы на переговоры по Протоколу на том основании, что любые международные соглашения стесняют действия США. Сложившуюся на сегодняшний день ситуацию с контролем над биологическим оружием нельзя пускать на самотек. Должны быть разработаны меры по укреплению КБТО, учитывающие новые фундаментальные изменения в биотехнологиях двойного назначения. При этом надо учитывать, что разработанный в 1990-х гг. Протокол уже устарел, в том числе в части, касающейся его терминологической основы.

Ключевые слова: бактериологическая война; биологическая война; биологическое оружие; Протокол; Конвенция о запрещении биологического оружия; разоружение.

Библиографическое описание: Петров С.В., Супотницкий М.В. Протокол к Конвенции о запрещении бактериологического (биологического) оружия – история, основные положения, значение и причины неподписания // Вестник войск РХБ защиты. 2021. Т. 5. № 1. С. 4–21. <https://doi.org/10.35825/2587-5728-2021-5-1-4-21>

Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении (КБТО), вступившая в силу 26.03.1975 г.¹, стала возможной в результате сделки двух сверхдержав того времени – СССР и США, чья военная мощькратно превышала военную мощь любого другого государства. Специальная группа правительственных экспертов, созданная Комитетом ООН по разоружению по итогам длившихся почти десятилетие переговоров, должна была разработать к КБТО дополнительный Протокол, предполагающий возможность проверки ее соблюдения. Для этой цели должен был быть определен режим проверок и создана специальная контролирующая организация. Однако в июле 2001 г. в ходе 24-й сессии Специальной группы окончательный проект Протокола внезапно был заблокирован Соединенными Штатами Америки [1]. Без поддержки США переговоры провалились. В итоге никаких отработанных механизмов проверки соблюдения КБТО не существует до сегодняшнего дня².

Цель работы – изучить историю, основные положения, значение и причины неподписания Протокола к КБТО. Основное внимание уделяется логике событий в области контроля над биологическим оружием, которые привели целый ряд стран к пониманию необходимости разработки Протокола. Предметом отдельного рассмотрения послужила подоплека действий США по блокированию этого документа. Рассматриваемые события охватывают период

после окончания Первой Мировой войны до 2020 г.

Женевский протокол 1925 г. и КБТО 1972 г. После окончания Первой Мировой войны вопрос о запрещении бактериологического оружия, в отличие от оружия химического, на повестке дня не стоял.

На Женевской конференции по контролю над международной торговлей оружием³, прошедшей в мае 1925 г., США предложили ввести запрет на экспорт удушающих, токсичных, ядовитых или вредоносных газов и всех аналогичных жидкостей, предназначенных или созданных для использования в связи с ведением боевых действий. Однако большинство стран-участников посчитали такой запрет недостаточным, поскольку Протокол не предполагал никаких ограничений на производство и применение химического оружия. Поэтому страны, которые химическим оружием к тому моменту еще не обладали, оказались бы в уязвимом положении. По инициативе Франции было предложено разработать не резолюцию, а юридически обязывающий документ – протокол о запрещении использования отравляющих газов [1].

Протокол 1925 г. должен был закрепить новую реальность ведения войны, не отраженную в приложениях к конвенции «О законах и обычаях сухопутной войны» 1899 г. (ст. 23, п. «а» и «е»)⁴. Германские военные толковали эту статью буквально – как запрещение применения на войне ядов для отравления колодезцев, а также отравленного оружия (пуль, сабель, копий, стрел и т.п.)⁵. Химического оружия,

¹ Полный текст Конвенции и список государств-участников. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bacweap.shtml; https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_parties_to_the_Biological_Weapons_Convention; и <http://www.opbw.org/convention/conv.html> (дата обращения: 10.01.2020).

² Оба автора имели отношение к работе над составлением Протокола. Генерал-полковник в отставке С.В. Петров занимал тогда должность начальника войск РХБ защиты и направлял эту работу от Министерства Обороны Российской Федерации (МО РФ); полковник мед. службы запаса М.В. Супотницкий в то время работал в ФГБУ «42 Научно-исследовательский центр биологической безопасности» МО РФ (42 НИИБ МО РФ) и участвовал в подготовке отдельных справочных и информационных документов для российских экспертов в Женеве.

³ СССР не был участником этой конференции.

⁴ К Конвенции «О законах и обычаях сухопутной войны» было добавлено «Приложение о законах и обычаях сухопутной войны», состоящее из четырех отделов. В отделе II приложения, имеющего подзаголовок «О военных действиях», в главе I «О средствах нанесения вреда неприятелю, об осадах и бомбардировках», в ст. 22 записано: «Воюющие не пользуются неограниченным правом в выборе средств нанесения вреда неприятелю». А ст. 23 поясняла это положение: «Кроме ограничений, установленных особыми соглашениями, запрещается также: а) употреблять яд или отравленное оружие...; е) употреблять оружие, снаряды и вещества, способные причинить излишние страдания...». Через восемь лет, 5 (18) ноября 1907 г., в Гааге 46 странами были подписаны 13 конвенций и 1 декларация, касающиеся правил ведения войны. Конвенция «О законах и обычаях сухопутной войны» имела «Приложение о законах и обычаях сухопутной войны». В нем «слово в слово» были повторены вышеприведенные положения. Этим дипломатическим документом также было запрещено и бросание снарядов или взрывчатых веществ с аэропланов или каким-нибудь другим подобным способом. Страна, нарушившая конвенцию, даже обязывалась к выплате компенсаций.

⁵ Более подробно о первых попытках запретить химическое оружие и о дискуссиях о правомерности его применения в годы Первой Мировой войны см. в работах С.М. Пунжина [1] и Н.И. Шило [2]. Текст конвенции «О законах и обычаях сухопутной войны» 1899 г. и приложений к ней приведен в работе Ю.В. Ключникова

т.е. специальных боеприпасов (авиабомб, мин, снарядов, выливных авиационных приборов, фугасов и др.), снаряженных отравляющими веществами (ОВ), на момент проведения Гаагских конференций (1899 г. и 1907 г.) еще не существовало. Поэтому и применение его прямо не запрещалось [1, 4]. Теперь такой запрет появился [5].

Бактериологического оружия в том виде, в каком мы его себе представляем сейчас (авиационные диспергирующие приборы, касетные авиабомбы и т.п., см. [6]), в Первую Мировую войну не было [7], поэтому на начальном этапе конференции оно не рассматривалось. Запрет на применение бактериологического оружия⁶ в текст протокола был добавлен по предложению Польши. Польский представитель указал на большую опасность для людей возбудителей холеры, брюшного тифа, чумы, столбняка, сапа и ботулизма. Животные могут быть искусственно заражены культурами возбудителя сапа, чумы крупного рогатого скота и др.⁷ Бактериологическая война может вестись и против сельскохозяйственных растений, обрекая людей на голод. Последствия бактериологической войны будут одинаково ощущаться как вооруженными силами воюющих

сторон, так и всем гражданским населением, даже вопреки желанию воюющих сторон, которые не смогут ограничить действие такого оружия [5].

Протокол 1925 г. не устанавливал никакой формы контроля за его выполнением.

Между тем, многие страны мира (СССР, Франция, Великобритания, Чехословакия, Канада, Румыния и др.) присоединились к Протоколу с оговорками, состоявшими, как правило, из двух пунктов: 1) Протокол обязателен к соблюдению только по отношению к государствам-участникам⁸; 2) Протокол перестал считаться для государства-участника обязательным к соблюдению в том случае, если в ходе вооруженного конфликта против него и его вооруженных сил применялось химическое оружие⁹. Таким образом сфера применения Протокола 1925 г. значительно сузилась. Абсолютный запрет на применение химического и бактериологического оружия превратился в запрещение его первого применения. По сути, это была узаконенная возможность ответных ударов химическим оружием. Именно она стала сдерживающим фактором его использования во время Второй Мировой войны [1]¹⁰.

и А.В.Сабанина [3]. К идее применения химических снарядов в будущей войне участники обеих конференций отнеслись скептически [4].

⁶ Понятия «биологическое оружие», включающее применение в качестве поражающих агентов вирусов и токсинов, тогда не существовало. Токсины еще не умели получать в больших количествах, а вирусология находилась на начальном этапе своего становления.

⁷ Возможно, инициатива Польши была вызвана тем, что Германия осуществляла с 1915 г. биодиверсии во Франции, России, США и в нейтральных странах с целью заражения домашнего скота и заражения кормов для животных, отправляемых союзным войскам. Обычно германские агенты маскировались под «конюхов». Возбудители сапа и сибирской язвы использовались ими для заражения лошадей и мулов [8–10]. Наиболее «удачной» из осуществленных в годы войны бактериологических диверсий в отношении британских войск оказалась диверсия в Месопотамии в 1917 г., когда немцам удалось вызвать вспышку сапа среди 4,5 тыс. мулов [6].

⁸ В данном случае применялась та же логика, что и в конвенциях о законах и обычаях сухопутной войны, «Статья 2. Постановления упомянутого в ст.1 Положения, а равно настоящей конвенции обязательны лишь для договаривающихся Держав и только в случае, если все воюющие участвуют в конвенции».

⁹ В частности, СССР присоединился к Женевскому протоколу с нижеследующими оговорками: «1) что названный Протокол обязывает Правительство Союза Советских Социалистических Республик только по отношению к государствам, которые его подписали и ратифицировали или к нему окончательно присоединились;

2) что названный Протокол перестанет быть обязательным для Правительства Союза Советских Социалистических Республик в отношении всякого неприятельского государства, вооруженные силы которого, а также формальные или фактические союзники которого не будут считаться с воспрещением, составляющим предмет этого Протокола». URL: http://www.conventions.ru/view_base.php?id=9798 (дата обращения: 20.11.2020)

¹⁰ Женевский протокол держался на взаимном страхе перед химическим оружием. Президент США Франклин Рузвельт (англ. Franklin Delano Roosevelt, 1882–1945) в 1943 г. сделал заявление, в котором предупредил «армии Оси и народы Оси в Европе и Азии», что за любым применением химического оружия последует «максимально полный ответный удар по военным центрам, морским портам и другим военным объектам на всей территории страны Оси» [5]. Армии союзников также учитывали возможности немцев. S. Hersh [11], ссылаясь на мемуары Дэвида Лилиенталя (англ. David Eli Lilienthal: 1899–1981), бывшего председателя комиссии по атомной энергии, писал, что начальником генерального штаба армии США генералом Дж. Маршаллом (англ. George Catlett Marshall: 1880–1959) в конце войны были подготовлены рекомендации по применению химического оружия против Японии. Господство в воздухе ВВС США делало план весьма заманчивым и относительно безопасным на Тихоокеанском театре военных действий. Однако реализовать его не пришлось из-за

После Второй Мировой войны на передний план выступило ядерное оружие. Устав ООН, вступивший в силу 24 октября 1945 г., созданию системы регулирования вооружений внимания уделял довольно мало. На практике же ООН сделала разоружение одной из своих главных целей. Хотя Комиссия ООН по разоружению¹¹ была больше озабочена ядерным оружием, показательно использованным США в конце войны.

Предметом специальных дискуссий стал вопрос о том, что можно отнести к оружию массового уничтожения (ОМУ). СССР предлагал к такому оружию отнести любое оружие, вызывающее массовые разрушительные последствия для населения и городов, удаленных от поля боя. Регулирование и сокращение вооружений должно было распространяться на все виды вооружений. Однако понимания у бывших союзников он не нашел. В сентябре 1947 г. Соединенные Штаты представили Комиссии по разоружению проект резолюции, в соответствии с которой ОМУ включало «ядерное взрывное оружие, оружие из радиоактивных материалов, смертоносное химическое и биологическое оружие¹², а также любое оружие, разработанное в будущем, которое имеет сопоставимые по разрушительному действию характеристики к атомной бомбе или другому оружию, упомянутому выше». Иное оружие предполагалось рассматривать, как обычные вооружения (такие представления об ОМУ существуют и в настоящее время). Проект был принят большинством голосов [5].

В 1948 г. Генеральный секретарь ООН обратил внимание на то, что продолжительные дебаты по контролю над атомной энергией отвлекли внимание от разработок в области бак-

териологического и химического оружия. В отношении них никогда не было ни эффективной монополии, ни мер контроля. В июле 1949 г. на Женевской конференции по защите жертв войны правительство США отклонило предложение о необходимости обнародования заявления о том, что использование бактериальных и химических веществ, ядерного или любого другого ОМУ несовместимо с элементарными принципами международного права. Однако резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 11 января 1952 г. предписала Комиссии по разоружению¹³ подготовить предложения для включения в проект договора (или договоров) о регулировании, ограничении и сбалансированном сокращении всех вооруженных сил и всех вооружений, «для устранения всех основных видов оружия, пригодных для массового уничтожения и для эффективного международного контроля над атомной энергией ...» [5].

На фоне нерешенности проблемы контроля над бактериологическим оружием 22 февраля 1952 г. министр иностранных дел КНДР Пак Хон Ён (1900–1955) заявил Секретариату ООН о применении американской армией бактериологического оружия против вооруженных сил и населения Северной Кореи и Китая [11]. В ходе последовавших дискуссий выяснилось, что проверять приведенные факты было некому. США предложили поручить расследовать обвинения в развязывании бактериальной войны на Корейском полуострове Международному комитету Красного Креста. СССР высказался против такого предложения, так как Международный комитет Красного Креста не обладал полномочиями для решения таких вопросов – это не международная, а швейцарская национальная организация, поэтому она не могла

жесткого противодействия Уинстона Черчилля (англ. Sir Winston Leonard Spencer Churchill: 1874–1965). Британский премьер хорошо усвоил уроки химической войны, преподнесенные германскими военными и химиками войскам Антанты в 1915–1918 гг., и серьезно опасался, что Германия вновь применит химическое оружие против Соединенного Королевства. Поэтому американским командованием было принято решение использовать химическое оружие только в качестве ответной меры на применение Японией химического и биологического оружия (Япония присоединилась к Женевскому протоколу только в 1970 г.).

¹¹ В декабре 1945 г. на совещании в Москве министров иностранных дел СССР, США и Великобритании было принято решение предложить первой сессии Генассамблеи создать комиссию по наиболее злободневной послевоенной теме – атомной энергии. В январе следующего года такая комиссия была создана. В ее состав были включены все государства-члены Совета Безопасности ООН плюс Канада.

¹² Смертоносное, смертельное – поправка, внесенная представителем США в сентябре 1947 г. на третьем заседании рабочего комитета Комиссии по обычным вооружениям. Это было сделано для того, чтобы различать смертоносное химическое и биологическое оружие, и оружие нелетальное, то есть слезоточивый газ, дымовые завесы и т. д. [5].

¹³ Комиссия по разоружению Организации Объединенных Наций учреждена 11 января 1952 г. резолюцией 502 (VI) Генассамблеи ООН. Передана под юрисдикцию Совета Безопасности ООН. В ее мандат входили: подготовка предложений по договору о регулировании, ограничении и сбалансированном сокращении всех вооруженных сил и всех вооружений, включая ликвидацию всех видов оружия массового уничтожения. Однако комиссия собиралась лишь несколько раз. Затем последовала череда создания других органов, занимавшихся разоружением: Комитет десяти наций по разоружению (1960), Комитет восемнадцати наций по разоружению (1962), Конференция Комитета по разоружению (1969) и, наконец, Конференция по разоружению (1979), которая заседает и по сей день.

считаться объективной и беспристрастной. Кроме того, в прошлом она скомпрометировала себя, защищая фашистских военных преступников¹⁴.

Две международные группы левого толка подготовили отчеты, обвинявшие США в ведении бактериологической войны. Первой группой была комиссия Международной ассоциации юристов-демократов. 31 марта 1952 г. она подготовила «Отчет о преступлениях США в Корее» [13]. Вторая группа была создана под эгидой Всемирного совета мира. В октябре 1952 г. она подготовила «Доклад Международной научной комиссии по расследованию фактов, касающихся биологической войны в Китае и Корее» [14]. Оба доклада были направлены в Совет Безопасности ООН, но США и большинство членов ООН их отвергли как неубедительные, только на основании того, что их составляли коммунисты [15].

В 1950-х гг. противодействие США попыткам запрещения применения бактериологического оружия путем ратификации Женевского протокола 1925 г. было связано не столько с нежеланием свернуть свою, набравшую темп программу по созданию биологического оружия, сколько с нежеланием создавать прецедент для запрета на использование ядерного оружия. США настаивали на решении проблемы биологического оружия в сочетании с другими мерами по разоружению путем раскрытия и проверки всех вооруженных сил и вооружений с последующим постепенным сокращением и уничтожением запрещенных вооружений при соответствующем контроле и гарантиях. Желающих добровольно раскрывать информацию обо всех своих военных возможностях не нашлось.

Обсуждение проблемы запрещения бактериологического оружия в 1950-х и в начале 1960-х гг. продолжалось в рамках программ и деклараций о всеобщем разоружении. Однако тогда оно считалось второстепенной проблемой. Первым с предложением о ликвидации химического и биологического оружия выступил СССР, включив в проект договора о всеобщем и полном разоружении от 15 марта 1962 г. статью, предусматривавшую изъятие и полное уничтожение химического и бактериологического оружия на втором этапе разоружения (ст. 23). Уже было ясно, что Женевский

протокол 1925 г. устарел. Его запреты распространялись только на использование в войне определенных газов, аналогичных жидкостей и бактерий. Но их применение во враждебных целях в мирное время не было запрещено протоколом. Это было серьезным упущением в условиях того времени. Боевые действия могли вестись без объявления войны, а некоторые наиболее опасные виды химического и биологического оружия подходили для использования в обстоятельствах, при которых не существовало открытого военного конфликта. Однако Комитет по разоружению в Женеве¹⁵ сосредоточил свои основные усилия на разработке договора о нераспространении ядерного оружия и не смог уделить достаточного внимания рассмотрению других вопросов. Когда 7 декабря 1967 г. на двадцать второй сессии Генеральной Ассамблеи ООН делегация Мальты внесла проект резолюции о пересмотре, обновлении или замене Женевского протокола, она не получила поддержки [5].

Позиция Женевского протокола поколебалась с избранием президентом США в 1969 г. Ричарда Никсона (англ. Richard Milhous Nixon; 1913–1994). В 1960-е гг. деятельность Соединенных Штатов в области химического и биологического оружия подверглась критике в первую очередь со стороны американских политических и научных кругов. Ее катализатором стало использование химических гербицидов и слезоточивого газа во Вьетнаме. Кроме того, многие влиятельные американские политики подозревали, что потеряли контроль над очень секретными программами биологической войны [16].

К приходу администрации Никсона была пересмотрена роль самого биологического оружия в современной войне. На начало 1960-х гг. его относили к инструменту стратегического сдерживания противника. У военных этот постулат вызывал все больше сомнений. Между ядерным и биологическим оружием есть существенные различия. Предпосылкой стратегического сдерживания является способность государства гарантированно нанести неприемлемый ущерб противнику в ответ на нападение. С ядерным оружием разрушение абсолютное. Биологическое оружие – это оружие внезапного нападения, т.е. первого удара. Однако и в этом случае оно не может нанести гарантированно

¹⁴ URL: <https://www.kommersant.ru/doc/213441>; <https://geopolitics.co/2015/06/04/red-cross-scram-exposed/>; и <https://www.theguardian.com/world/2011/may/25/nazis-escaped-on-red-cross-documents> (дата обращения: 02.01.2021)

¹⁵ Здесь речь идет о Комитете восемнадцати наций по разоружению (Eighteen Nation Committee on Disarmament, ENDC; Комитет восемнадцати). Создан ООН в 1961 г. для рассмотрения вопросов разоружения, мер укрепления доверия и контроля ядерных испытаний. ENCD начал работу 14 марта 1962 г. в Женеве и собирался регулярно до 26 августа 1969 г. Между 1965 и 1968 гг. ENCD вел переговоры по Договору о нераспространении ядерного оружия.

неприемлемый ущерб противнику из-за относительно высокого уровня неопределенности при его использовании. В отличие от ядерного оружия, действие биологического оружия могут в значительной степени ослабить массовая вакцинация войск и населения, использование антибиотиков при лечении пораженных, а также типовые противоэпидемические мероприятия¹⁶. Сами биологические агенты в момент применения чувствительны к вертикальной устойчивости атмосферы, инсоляции и погодным условиям, что снижает их эффективность. Наконец, крайняя секретность, с которой осуществлялись программы по разработке биологического оружия, как это ни парадоксально звучит, также ограничивает его ценность как стратегического средства сдерживания. Когда биологическое оружие государства хранится в секрете, трудно заставить противника осознать его реальную угрозу. Для того, чтобы сделать сдерживающую угрозу убедительной, государство должно не только признать, что оно нарушает международные нормы и законы, но и раскрыть детали наступательных возможностей своего биологического оружия, такие как типы поражающих агентов, которые оно разработало, а также их средства доставки к цели, на что, разумеется, ни одно государство не пойдет [17].

Другая военно-политическая причина решения Никсона об отказе от биологического оружия – страх поспособствовать его распространению. Сохранение Соединенными Штатами своих программ по созданию такого оружия создавало большой риск утечки знаний о нем в другие страны, что потенциально создавало большую угрозу для международной безопасности [17].

Продемонстрировав мощь своего ядерного потенциала, Соединенные Штаты в официальных заявлениях утверждали, что не нуждаются в биологическом оружии в качестве сдерживающего фактора или оружия массового уничтожения. Американские политики исхо-

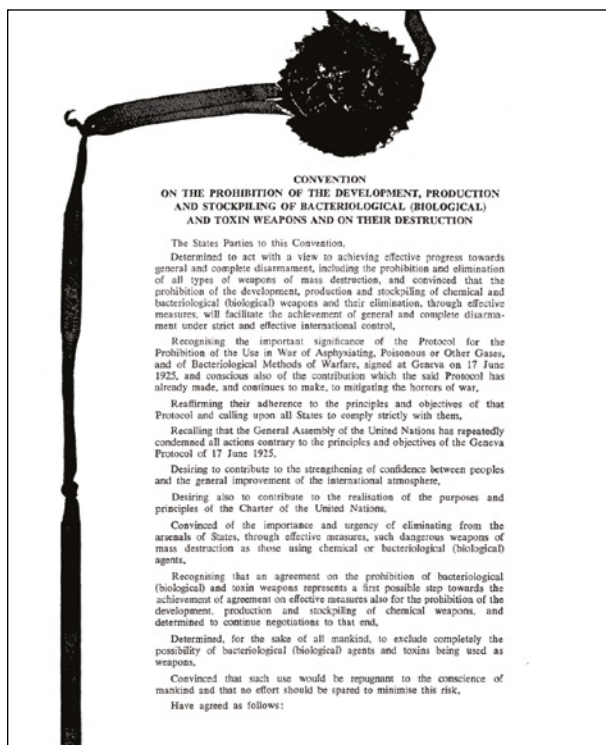
дили из того, что всеобщий запрет на биологическое оружие мог бы дать им гораздо больше преимуществ, чем его наличие. США сохраняли бы военное лидерство в мире, а страны, неспособные создать ядерное оружие, не имели бы возможности применить оружие биологическое [17].

Процесс разработки КБТО был запущен за год до того, как Соединенные Штаты в одностороннем порядке отказались от биологического оружия. В 1968 г. Соединенное Королевство представило в Комитет ООН по разоружению проект Конвенции о запрещении биологического оружия, устанавливавшей всеобщий запрет на биологическое и токсинное оружие. Великобритания предложила на международных переговорах по разоружению химическое и биологическое оружие разделить и основные усилия сосредоточить на запрещении оружия биологического, так как быстрое развитие биологической науки могло привести к тому, что запрет биологического оружия мог опоздать. Раньше усилия в области разоружения по инерции Женевского протокола 1925 г. были направлены на совместное запрещение химического и биологического оружия. Более того, общественность в целом воспринимала эти два вида оружия как одно и то же, так как они воздействовали только на живые цели, не разрушая материальных ценностей. Соединенные Штаты охотно на такое разделение согласились. Пожертвовав менее ценным оружием (по их представлениям конца 1960-х гг.), они оставляли химическое как средство сдерживания русских [19].

Однако Советский Союз и его союзники категорически возражали против разделения химического и биологического оружия. В основе этой позиции было понимание того, что с таким соглашением Соединенные Штаты могут свободно продолжать и свою химическую кампанию во Вьетнаме, и разрабатывать новые поколения химического оружия, постоянно обновляя химические арсеналы¹⁷. Но после дли-

¹⁶ Примером такого подхода к защите войск от бактериологического оружия может служить подготовка к стратегической наступательной операции против японских войск в Маньчжурии и Северном Китае в августе 1945 г. Для советского командования не было тайной ни само проведение японскими военными работ по созданию бактериологического оружия на территории Маньчжурии, ни то обстоятельство, что при его разработке приоритет отдавался возбудителю чумы [18]. Поэтому перед проведением операции были развернуты дополнительные инфекционные госпитали, а 98,5 % личного состава соединений Забайкальского, 1- и 2-го Дальневосточных фронтов иммунизировано «сухой живой чумной вакциной НИИЭГ» (НИИЭГ – НИИ гигиены и эпидемиологии Красной Армии, в настоящее время – ФГБУ «48 Центральный научно-исследовательский институт» МО РФ; находится под санкциями США). Последнее обстоятельство обрекало на неудачу любые попытки Квантунской армии применить возбудитель чумы против советских войск. Японцам оставалось только уничтожить всю инфраструктуру бактериологического оружия (отряды 731 и 100) и бежать. Ни одного случая чумы среди личного состава Красной армии, находящегося в маньчжурском эпидемическом очаге, не было [Николаев Н.И. Чума в Маньчжурии. Дис. ... д-ра мед. наук. Киров, 1949].

¹⁷ Так оно и оказалось. Для США переговоры в Женеве были ширмой, скрывавшей развертывание программы бинарного химического оружия. Для того, чтобы полностью заблокировать переговоры, в американский проект Конвенции по запрещению химического оружия (КХО) в 1984 г. были включены предложения об инспекции по запросу с коротким периодом уведомления (инспекционной группе должен быть разрешен

Рисунок 1 – Изображение первого листа КБТО (фотография с ресурса: BWC-text-English.pdf; дата обращения: 10.12.2020)

тельного противодействия Советский Союз 30 марта 1971 г. неожиданно представил свой собственный проект конвенции, сняв возражения против отделения биологического оружия от химического [17].

Советское предложение отличалось от британского в трех важных отношениях: 1) в нем не упоминалось, что государствам-участникам запрещено при любых обстоятельствах использовать биологическое оружие (СССР и его союзники считали, что этот вопрос уже «четко и недвусмысленно» урегулирован Женевским протоколом 1925 г.); 2) оно не ставило вне закона исследования, направленные на его

разработку; 3) предполагалось, что все жалобы на нарушение тем или иным государством своих обязательств будут направляться в Совет Безопасности ООН [16].

Это предложение вызвало в Комитете ООН по разоружению¹⁸ серьезную дискуссию, поскольку трактовалось как результат нежелания СССР допустить на свою территорию любую инспекцию любого оружия. Однако США решили вести переговоры на основе советского проекта конвенции, а не британского, отказавшись от возможного «европейскими партнерами» как «тайный и необъявленный сговор между сверхдержавами». У обеих сверхдержав было право вето в Совете Безопасности ООН [21].

5 августа 1971 г. Соединенные Штаты и Советский Союз вместе представили совместный (советско-американский) проект текста для продолжающихся переговоров на Конференции Комитета по разоружению в Женеве. КБТО была подписана 10 апреля 1972 г. Через три года договор вступил в силу, когда 22 государства, включая США, Великобританию и Советский Союз сдали на хранение свои ратификационные грамоты в архивы правительства-депозитариев [5, 7, 16] (рисунок 1).

Таким образом КБТО – это юридически обязывающий многосторонний договор на неопределенный срок, запрещающий биологическое и токсинное оружие. На март 2020 г. к нему присоединились 183 страны. Десять государств не подписали и не ратифицировали КБТО (Чад, Коморские Острова, Джибути, Эритрея, Израиль, Кирибати, Микронезия, Намибия, Южный Судан и Тувалу).

КБТО запрещает разработку, накопление, приобретение, хранение и производство:

- биологических агентов и токсинов в количествах, не имеющих оправдания для использования в профилактических, защитных или иных мирных целях;

въезд в инспектируемую страну не позже, чем через 36 ч после запроса) в любое время в любом месте и без права отказа. Советская сторона не могла согласиться с таким предложением. Однако в 1987 г., когда наступило время «нового мышления» в международных отношениях, СССР согласился на установление подобного режима, поставив США в неудобное положение. Там совсем не рассчитывали, что и их будут проверять, да еще в такие сроки [1]. Тогда же Советский Союз заявил о прекращении производства химического оружия. Для США это решение перестроечных советских властей стало сигналом для возобновления производства химического оружия после 18-летнего одностороннего моратория. Они начали программу замены устаревших химических боеприпасов бинарными. Эта работа была остановлена только в конце 1990-х гг. [20].

¹⁸ Первый комитет Организации Объединенных Наций (также известный как Международный комитет по безопасности и разоружению или Disarmament and International Security, DISEC или C1) является одним из шести главных комитетов на Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций. Он занимается вопросами разоружения и международной безопасности. Первый комитет собирается каждый год в октябре на 4–5-недельную сессию после общих прений в Генеральной Ассамблее. Принять участие могут все 193 государства-члена ООН. Это единственный главный комитет Генеральной Ассамблеи, имеющий право составлять стенографические отчеты. Первый комитет имеет два основных органа, которые подотчетны ему – Комиссия по разоружению (Disarmament Commission, UNDC) и Конференция по разоружению (Conference on Disarmament, CD). Он также заслушивает отчеты любых созданных им экспертных групп.

- оружия, оборудования и средств доставки, «предназначенных для использования таких агентов или токсинов во враждебных целях или в вооруженном конфликте;

- передачу или помощь в приобретении агентов, токсинов, оружия, оборудования и средств доставки, описанных выше.

Конвенция также требует, чтобы государства-участники уничтожили или перенаправили в мирные цели «агенты, токсины, оружие, оборудование и средства доставки», описанные выше, в течение девяти месяцев после вступления конвенции в силу. КБТО не запрещает использование биологического и токсинного оружия, но подтверждает Женевский протокол 1925 г., который запрещает такое использование. КБТО также не запрещает программы биологической защиты.

Режим договора обязывает государства-участники консультироваться друг с другом и сотрудничать на двусторонней или многосторонней основе для решения проблем, связанных с его соблюдением. Это также позволяет государствам-участникам подавать жалобу в Совет Безопасности ООН, если они считают, что другие государства-члены нарушают конвенцию. Совет Безопасности может расследовать эти жалобы¹⁹.

Стороны, которые подписали, но еще не ратифицировали КБТО, обязаны воздерживаться от действий, которые нарушили бы цель договора, до тех пор, пока они специально не сообщат ООН о своем намерении не ратифицировать договор. Стороны, подписавшие КБТО, должны ежегодно представлять в ООН следующую информацию: объекты, на которых проводятся исследования в области биологической защиты, проводимые научные конференции в указанных учреждениях; обмен учеными или информацией; сведения о вспышках болезней [7].

Недовольство КБТО и создание международной группы экспертов для разработки Протокола. КБТО, оказавшаяся «сделкой сверхдержав», не включала никаких систематических и юридически обязательных мер проверки, таких как инспекции, экспортный контроль или обязательное декларирование биологических объектов и видов их деятель-

ности. И хотя статья I КБТО запрещает разработку, производство, накопление или приобретение иным образом биологического оружия или сохранение его²⁰, этот запрет не распространяется на применение и исследования биологического оружия. Запрет на «применение» прописан в параллельно действующем Женевском протоколе 1925 г., на который ссылается статья VIII КБТО, но ни в том, ни в другом документе не обозначен запрет на исследования биологического оружия. Кроме того, КБТО прямо не распространялась на применение биологического оружия против животных и растений. Да и, как оказалось, жалобы на несоблюдение КБТО можно было подавать только в Совет Безопасности, где Соединенные Штаты, Советский Союз, Великобритания, Франция и Китай могли наложить вето на расследование по политическим причинам. Генеральный секретарь ООН такой функции не получил [19].

Особенно негативную позицию в отношении КБТО занимали Франция и Швеция, утверждавшие, что проверка была условием их присоединения к КБТО. Среди государств-участников КБТО в зависимости от того, как они действовали в ее рамках, обозначились два подхода: реформистский (те, кто хотел усилить соблюдение КБТО посредством разработки дополнительных механизмов) и минималистский (выступавшие за статус-кво). Минималисты опасались, что более сильная КБТО приведет к потере национального суверенитета. Реформисты считали, что проблема биологического оружия не может быть решена только на государственном уровне [22].

В соответствии со ст. XII КБТО, через пять лет после ее вступления в силу была проведена конференция государств-участников для обзора действия конвенции. *Первая обзорная Конференция* проходила с 3 по 21 марта 1980 г. Как и ожидалось, главной темой для споров среди государств-участников, которым биологическое оружие было «не по карману», стал стандарт положений о проверке и эффективности КБТО. Было рассмотрено несколько идей по совершенствованию ст. V, но ни СССР, ни США их не поддержали [22].

¹⁹ Это право никогда не использовалось. См. Kimball D. The Biological Weapons Convention (BWC). March 2020. URL: <https://www.armscontrol.org/factsheets/bwc> (дата обращения: 15.12.2020).

²⁰ Статья I определяет «объем запрета» КБТО. Сюда входят все микробные и другие биологические агенты или токсины и средства их доставки (за исключением небольших количеств для медицинских и защитных целей). Последующие обзорные конференции подтвердили, что критерий общей цели охватывает все будущие научно-технические разработки, имеющие отношение к Конвенции. Запрещены не сами объекты (биологические агенты или токсины), а определенные цели, для которых они могут быть использованы, аналогично статье II, п. 1 КХО. Разрешенные цели в рамках КБТО определяются как профилактические, защитные и другие мирные цели. Предметы не могут быть сохранены в количествах, не имеющих обоснования или несовместимых с разрешенными целями.

На позицию США не повлиял даже так называемый «инцидент в Свердловске»²¹, в начале февраля 1980 г. шулерски «вытащенный из рукава» западногерманской газетой Bild Zeitung. С одной стороны, реформистам он наглядно продемонстрировал необходимость международной процедуры проверки соблюдения КБТО. С другой – это предполагало, что СССР будет предметом первой жалобы, последствия которой могли обрушить КБТО, при том, что никакой уверенности в реальности событий, представленных Bild Zeitung, не было [16, 23, 24]. Поэтому администрация президента США Джими Картера (англ. Jimmy Carter) в одностороннем порядке обвинила Советский Союз в нарушении КБТО, оставив «инцидент в Свердловске» «неисчерпанным» для дальнейшего давления на СССР [25].

Вторая обзорная Конференция проходила с 8 по 25 сентября 1986 г. в Женеве, когда обвинения в несоблюдении КБТО усилили напряженность между Соединенными Штатами и Советским Союзом. Теперь уже администрация Рональда Рейгана «давила» на Советский Союз обвинениями в наличии у него тайной программы биологического оружия. Государства-реформисты надеялись, что Соединенные Штаты, используя «инцидент в Свердловске», попытаются усилить механизмы проверки и соблюдения КБТО, чтобы поддерживать международное давление на Советский Союз. Более того, США должны были, в качестве крайнего средства, рассмотреть в Совете Безопасности ООН вопрос о несоблюдении Советским Союзом требований КБТО [16].

Реакция Соединенных Штатов оказалась противоположной. Их делегаты стали доказывать, что «инцидент в Свердловске» и позиция социалистических стран только лишней раз демонстрируют «невозможность ремонта» КБТО [26]. В ходе конференции американская делегация распространила текст заявления представителя Министерства обороны США и будущего «архитектора» войны в Ираке Дугласа Фейта (англ. Douglas Jay Feith), основные тезисы

которого уже были одобрены в одном из комитетов палаты представителей конгресса США. В них сильно преувеличивались современные на тот момент достижения биологии, а процесс изготовления биологического оружия сводился к выращиванию того или иного агента на питательных средах. Сознательно исключались стадии создания биологических рецептур²² и снаряжения ими боеприпасов и других средств доставки поражающих агентов к цели, требующих специального технологического оборудования, а также инженерного обеспечения мер безопасности при проведении таких работ и т.п. Такое изображение процесса изготовления бактериологического (биологического) оружия, при котором оно могло стать доступным любой микробиологической лаборатории, понадобился США для подтверждения тезиса о якобы невозможности какого-либо контроля за его производством. Эти идеи были изложены от имени американского правительства на одном из пленарных заседаний обзорной конференции [27].

В последующем вранье Фейта стало типовым приемом для обвинения Соединенными Штатами других стран в разработке и производстве биологического оружия. Примером преднамеренной профанации темы биологического оружия стала демонстрация госсекретарем США Колином Пауэллом (англ. Colin Luther Powell) на заседании Совета Безопасности ООН февраля 2003 г. флакончика с неизвестным порошком, когда он убеждал собравшихся в страшной опасности биологического оружия, и одновременно легкости, с которой его может получить в любых количествах и пустить в ход каждый желающий – начиная от террористов, и заканчивая Саддамом Хусейном. Через две недели американские войска вторглись в Ирак (рисунок 2)²³.

Хотя большинство государств согласились с тем, что существующий политический климат не допускает внесения поправок в КБТО, реформисты предложили альтернативные способы укрепления конвенции. Швеция и Нидер-

²¹ «Инцидент в Свердловске» – длившаяся более двух месяцев вспышка сибирской язвы в Свердловске весной 1979 г. среди людей и животных, якобы вызванная «утечкой спор сибирской язвы с военного объекта». Несмотря на то, что не было ни одного научного подтверждения этой версии, западными политиками и СМИ эта версия до настоящего времени используется для дискредитации СССР и России как «доказательство» нарушения ими КБТО.

²² Биологическая рецептура – многокомпонентная система, содержащая биологический агент, а также наполнители и стабилизирующие добавки, обеспечивающие повышение устойчивости микроорганизмов при хранении, диспергировании и нахождении в аэрозолированном состоянии [29].

²³ Американская мистификация доступности биологического оружия оказалась очень живучей. Например, в 1990-е гг. и в начале нулевых годов в угоду американской администрации в научной литературе распространялся миф, что впервые биологическое оружие (так писали!) было применено в 1347 г. татарским ханом Джаныбеком, катапультной забросившим в генуэзскую крепость Кафу в Крыму (в настоящее время Феодосия) трупы людей, умерших от чумы. После чего разбежавшиеся генуэзцы якобы занесли чуму в Европу, где погибла треть населения. Количество статей об опасности биологического оружия, начинающихся с этого примера, не поддается подсчету.

ланды, например, предложили краткосрочные улучшения КБТО путем принятия мер по укреплению доверия, которые требовали от государств ежегодного обмена информацией, например, о центрах биологических исследований и необычных вспышках болезней. Меры доверия были приняты в окончательном тексте как добровольные и обязательные политически, но не юридически. Кроме того, государства согласовали процедуру разрешения сомнений в соблюдении требований Конвенции, названную Официальным консультативным процессом [16].

Советский Союз, ГДР и ВНР внесли предложение о безотлагательном созыве специальной конференции для выработки и принятия протокола в качестве дополнения к КБТО, в котором были бы сформулированы юридически обязательные для государств-участников процедуры контроля по жалобам, включая расследования на местах международным контрольным органом [28]. Предложение СССР было заблокировано Соединенными Штатами и их союзниками, несмотря на поддержку и одобрение подавляющего большинства других государств-участников Конференции. Вторая обзорная Конференция не достигла ничего, кроме нескольких небольших улучшений КБТО [27].

Третья обзорная Конференция проходила в Женеве с 9 по 27 сентября 1991 г. Международная ситуация к этому времени упростилась в связи с окончанием, как тогда считали, «холодной войны». Однако осложнилась проблема биологического оружия. В 1970-х гг. появилась технология генной инженерии. У апологетов биологического оружия она породила надежды на быстрое создание генетически измененных вариантов известных патогенов (более устойчивых к факторам внешней среды и антибиотикам, с измененным антигенным составом, более вирулентных и контагиозных и т.д.). Успешные переговоры по различным соглашениям о контроле над вооружениями укрепили уверенность в том, что сложные вопросы контроля над биологическим оружием могут быть доведены до приемлемого решения [22]. В 1989 г. в Великобритании появился еще один советский перебежчик, показаниями которого по военно-биологическим программам, как предполагалось, можно было сделать СССР более стоворчивым – бывший директор

Рисунок 2 – Биологическое оружие и его мистификация. А и Б – субэлемент E-120 кассетной биологической бомбы. Разработан в США в конце 1960-х гг., т.е. перед официальным окончанием программы по созданию БО в ноябре 1969 г. Оснащен барометрическим взрывателем, позволяющим осуществлять его подрыв на заданной высоте (А – внешний вид бомбы. Б – поперечный разрез бомбы). Аналогичный боеприпас с химическим снаряжением обозначался как M-139 [6]. В – мистификация темы биологического оружия. Колин Пауэлл на заседании Совета Безопасности ООН 5 февраля 2003 г. (фотография с ресурса <https://www.ustkut24.ru/?p=38667>; дата обращения: 10.12.2020)

ленинградского Института особо чистых биопрепаратов В.А. Пасечник (1937–2001)²⁴. Да и в самом СССР расцвело «новое мышление» – доверие к «партнерам» достигло такого уровня, что «партнерам» с мнением СССР можно было не считаться. В этих условиях многие сторонники процесса укрепления КБТО согласились с тем, что все же пришло время для юридически обязывающего протокола проверки КБТО.

Соединенные Штаты по-прежнему считали эффективную проверку КБТО невозможной, и что такой протокол создаст у госу-

²⁴ До Пасечника большие надежды ЦРУ возлагало на беглого дипломата А.Н. Шевченко (1930–1998). В 1973–1978 гг. он занимал должность заместителя Генерального секретаря ООН по политическим вопросам и делам Совета Безопасности ООН. Сбежал в США в 1978 г., но никакой ценной для ЦРУ информацией по военно-биологической программе СССР он не обладал. В 1992 г. «выбрал свободу» третий – Канаджан Алибеков, первый заместитель руководителя фармацевтического комплекса «Биопрепарат». Он выдавал себя за создателя советского биологического оружия, но американцы ему не очень верили. Максимально используя в информационной войне против России, они его выдавили на историческую родину, в Казахстан.

дарств опасное чувство безопасности. Но такой подход снова столкнулся с позицией союзников самих Соединенных Штатов, а их мнение нельзя было игнорировать бесконечно. В итоге вопрос о том, следует ли добавлять к КБТО протокол о проверке был решен компромиссом. Государства-участники договорились о создании Специальной группы правительственных экспертов, которые должны были «определять и изучать потенциальные меры проверки с научной и технической точки зрения» – также процессом VEREX²⁵. Это ознаменовало начало десятилетия серьезной работы над протоколом проверки соблюдения КБТО [16].

Процесс VEREX (1991–2001 гг.). В мандате группы VEREX, выданном Третьей обзорной Конференцией, было указано, что группа должна определить меры, которые позволили бы установить: «разрабатывает ли государство-участник, производит, накапливает, приобретает или сохраняет микробные или другие биологические агенты или токсины, типы и в количествах, которые не имеют оправдания для профилактических, защитных или других мирных целей» и «независимо от того, разрабатывает ли государство-участник, производит, накапливает, приобретает или сохраняет оружие, оборудование или средства доставки, предназначенные для использования таких агентов, или токсины для враждебных целей, или во время вооруженного конфликта»²⁶.

Докладчики VEREX определили возможную меру проверки, которая была представлена на специальной конференции для государств-участников в сентябре 1994 г. Эти меры варьировались от многостороннего обмена информацией до инспекций на местах. Хотя большинство из этих мер следовало принимать в комплексе, группа VEREX сочла «с научной и технической точки зрения, что некоторые из потенциальных мер проверки будут способствовать повышению эффективности и улучшению выполнения Конвенция» [16].

Государства-участники КБТО одобрили предложения VEREX и поручили создать Специальную группу, открытую для всех государств-участников. Группа экспертов должна была «рассмотреть соответствующие меры, включая возможные меры проверки, и разработать предложения по усилению конвенции

для включения, при необходимости, в юридически обязательный документ, который будет представлен на рассмотрение государств-участников». Специальная группа должна была рассмотреть, в частности, следующие вопросы: система мер по обеспечению соблюдения КБТО; усиление мер по укреплению доверия и транспарентности; защита конфиденциальной коммерческой информации; законные потребности безопасности. Ее возглавил выпускник МГИМО²⁷, посол Венгрии Тибор Тот (Tibor Toth).

Работа группы началась в январе 1995 г. Всего было проведено пять заседаний. Однако эксперты не пришли к каким-либо общим выводам, на что было обращено их внимание на четвертой обзорной конференции, проходившей в Женеве с 25 ноября по 6 декабря 1996 г. От группы потребовали прийти к соглашению до пятой обзорной конференции, которая должна была состояться в декабре 2001 г. Достижение консенсуса по большинству статей Протокола затруднялось противоположными взглядами целого ряда стран. Основное противодействие оказывали главный переговорщик делегации Соединенных Штатов в Женеве Дональд Мэли (Donald Arthur Mahley; 1942–2014) и помощник государственного секретаря Эдвард Лейси (Edward J. Lacey). Оба при администрациях Рональда Рейгана (англ. Ronald Wilson Reagan; 1911–2004) и Джорджа Буша (англ. George Herbert Walker Bush; 1924–2018) занимали должности, связанные с военно-биологическими программами [16].

Во время первых переговорных встреч Специальной группы в 1995 г. и 1996 г. Соединенные Штаты не представили своей позиции по инспекциям. Это было связано с разными позициями, занятыми, с одной стороны, министерствами торговли и обороны, с другой – Государственным департаментом и Белым домом. Правительство и внешнеполитическое ведомство США подчеркивали важность создания эффективного инструмента против угрозы распространения биологического оружия. Пентагон был против международных инспекций, полагая, что собственные американские программы по защите от биологического оружия, которые являлись крупнейшими и самыми дорогостоящими во всем мире, не должны подвергаться опасности возможного иностранного

²⁵ VEREX, Ad Hoc Group, ANG: Ad Hoc Group of Governmental Experts to Identify and Examine Verification Measures from a Scientific and Technical Standpoint или Специальная группа правительственных экспертов для определения и изучения мер проверки с научно-технической точки зрения.

²⁶ Final Declaration of the Third Review Conference of the Parties to the Convention on the Prohibition of the Development, Production and Stockpiling of bacteriological (Biological) and Toxin Weapons and on their Destruction (Geneva, 1991). URL: <https://en.wikipedia.org/wiki/Verex> (дата обращения: 10.12.2020).

²⁷ Московский государственный институт международных отношений, ныне – МГИМО (У) МИД России.

шпионажа²⁸. Министерство торговли представляло интересы гражданских компаний, которые хотели защитить конфиденциальность и коммерческую информацию.

Особенно активно лоббировали провал Протокола фармацевтические компании – члены организации Pharmaceutical Research and Manufacturers of America (PhRMA)²⁹, которые были заинтересованы в предотвращении инспекций. На момент рассматриваемых событий фармацевтическая промышленность США являлась абсолютным мировым лидером в области биофармацевтических исследований, проводя 80 % мировых исследований и разработок в области биотехнологий. В результате им принадлежали права интеллектуальной собственности на большинство новых лекарств, приносящих большие доходы [30]. Из-за своей зависимости от патентов фармацевтическая промышленность США работала тогда и сейчас работает в очень секретной среде и опасается, что прозрачность, предписанная КБТО, приведет к крупным убыткам для отрасли [31]³⁰.

Сильное давление PhRMA на Вашингтон серьезно повлияло на позицию Соединенных Штатов на переговорах по тем статьям Протокола, которые касались деклараций и инспекций, поскольку делегация Соединенных Штатов настаивала на «значительном ослаблении изначальной цели прозрачности этой деятельности». Большинство же западных союзников США выступали за систему проверки,

при которой ежегодные декларации о военных и гражданских объектах, способных производить биологическое оружие, проверялись бы посредством инспекций на местах [16]³¹.

Подход Соединенных Штатов к оспариванию расследований, которые могли проводиться после появления доказательств несоблюдения тем или иным государством требований КБТО, также отличался от подхода большинства сторон Западной группы (т.е. союзников США по НАТО). Большинство государств поддерживали подход «красного света» («red light»), который также использовался КХО. Согласно этой процедуре, требуется большинство в три четверти голосов³² для прекращения расследования. Однако Соединенные Штаты предложили использовать так называемый подход «зеленого света» («green light»), который требует простого большинства голосов [32].

Пятая обзорная Конференция приближалась, но споры в Специальной группе не заканчивались. Против США были их союзники – государства-члены Европейского Союза. У них тоже есть фармацевтическая промышленность, но проверки того, чем в действительности занимаются на некоторых предприятиях, они не боялись. В период с 1995 по 2001 г. Специальная группа провела 24 заседания. В июле 1997 г. она согласовала первый проект Протокола, так называемый Переходящий текст, который устанавливал систему проверки, поддерживаемую международной организацией по

²⁸ Это весьма странная позиция, позволяющая усомниться в защитном характере американских военно-биологических программ. Если сопоставить их масштаб с достигнутыми результатами по защите от биологического оружия, то остаются вопросы по поводу того, куда направлялись все эти усилия. У США ни тогда, ни сейчас нет эффективных вакцин против основных поражающих агентов биологического оружия – возбудителей чумы, сибирской язвы, туляремии и ряда других. В СССР такие вакцины были разработаны еще в 1940–1950-е гг. Во время биотеррористической атаки осенью 2001 г. для лечения больных с ингаляционной сибирской язвой у американских врачей не было специальных схем. Ими использовались обычные антибиотики из аптек, оптимальные сочетания и дозировки которых подбирались уже ходе лечения методом проб и ошибок.

²⁹ Pharmaceutical Research and Manufacturers of America. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Pharmaceutical_Research_and_Manufacturers_of_America (дата обращения: 20.12.2020).

³⁰ Федеральные расходы в Соединенных Штатах в 1994 г. на всю область биотехнологии составили около 4 млрд долл. В том же году частный сектор инвестировал около 7 млрд долл. Даже это соотношение затрат показывает, что правительство США было вынуждено считаться с PhRMA. См. The Militarily Critical Technologies List. Part II: Weapons of mass destruction technologies. February 1998. Office of the Under Secretary of Defense for Acquisition and Technology. Washington, D.C. <https://fas.org/irp/threat/mct198-2/mct198-2.pdf>.

³¹ Как показывает опыт нашей делегации, США не против проверок вообще. Они очень желали проверить наши объекты в одностороннем порядке. Однако мы настаивали, что проверки объектов должны вестись на взаимной основе: два их объекта, два наших объекта и т.д. Еще мы настаивали на проверке их объектов, находящихся за пределами территории США. Почему-то именно последнее предложение вызвало возмущение «партнеров». Я думаю, что нежелание военного ведомства США дать возможность осуществлять проверку таких объектов сыграло не меньшую роль в провале Протокола, чем давление со стороны фармкомпаний. В настоящее время Российская Федерация окружена с юга и запада военно-биологическими центрами США (С.В. Петров).

³² См. КХО Статья IX, п. 17. «Не позднее чем через 12 ч после получения запроса на инспекцию Исполнительный совет может большинством в три четверти голосов всех его членов принять решение о не проведении инспекции по запросу, если он сочтет, что запрос на инспекцию является надуманным, недобросовестным или явно выходящим за рамки настоящей Конвенции, как это указано в пункте 8». URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/chemweapons.shtml (дата обращения: 20.12.2020).

запрещению биологического оружия. Предполагалось, что эта организация будет регулярно посещать заявленные биологические объекты, а также расследовать конкретные подозрительные объекты и деятельность. Китай, Куба, Индия, Иран, Пакистан и Россия поддержали Переходящий текст, как единственную основу для переговоров. Однако государства разошлись во мнениях по ряду фундаментальных вопросов, включая объем посещений на местах и экспортный контроль. К началу 2001 г. Переходящий текст проекта протокола все еще содержал много статей, по которым мнения сильно разошлись.

У посла Тода кончилось терпение. В ходе 22-й сессии Специальной группы в феврале 2001 г. он провел серию двусторонних консультаций с делегатами государств-участников, сосредоточив внимание на тех вопросах, по которым существовали концептуальные расхождения во взглядах, например, об уровне вмешательства, возможных проверках или объемах требуемых деклараций. Это привело к составлению Тодом Сводного текста протокола объемом 210 страниц³³, который был представлен на 23-й сессии в марте 2001 г.

Среди мер, предложенных в Сводном тексте для усиления конвенции, были предложены: учреждение постоянной организации для наблюдения за выполнением КБТО; проведение случайно выбранных посещений заявленных объектов для обеспечения прозрачности; возможность расследовать нарушения конвенции. Чтобы не допустить озлобленности США по поводу того, что их объекты будут подвергнуты «необоснованным» запросам о расследовании, составной текст принял более слабый подход «зеленого света» для тех запросов, которые касаются территории другого государства-участника³⁴. Это сделало крайне маловероятным проведение инспекций по запросу [16]. В ходе этих дискуссий представи-

тели Соединенных Штатов хранили молчание о своей позиции по Протоколу [33].

США блокируют Протокол³⁵. Попытки разработать Протокол проверки для КБТО внезапно закончились в июле 2001 г. в ходе 24-й сессии Специальной группы. После того, как большинство присутствующих государств-участников, включая всех основных участников, заявили в своих пленарных заявлениях в первые два дня о своем согласии положить Сводный текст в основу политических решений о принятии Протокола, на третий день сессии посол Дональд Мэли шокировал делегатов, заявив, что США не могут поддержать текущий текст, даже с изменениями: во-первых, Соединенные Штаты не считали, что проект Протокола улучшит возможность проверки соблюдения КБТО и не повысит уверенность США в ее соблюдении; во-вторых, Соединенные Штаты считают, что проект протокола поставит под угрозу национальную безопасность и конфиденциальную деловую информацию³⁶.

После провала 24-й сессии Специальной группы многие государства-участники все еще надеялись, что процесс по укреплению КБТО будет продолжен во время *Пятой обзорной конференции* в декабре 2001 г. Террористические атаки 11 сентября 2001 г и биотеррористические атаки, произошедшие в том же месяце в США, подчеркнули необходимость более строгого режима контроля над биологическим оружием. Однако заместитель госсекретаря по контролю за вооружениями и международной безопасности Джон Болтон (англ. John Robert Bolton II) в неожиданной речи на обзорной конференции потребовал прекращения мандата Специальной группы на переговоры по Протоколу³⁷. По сути Болтон, вопреки мнению традиционных союзников США, сорвал контроль над биологическим оружием³⁸. Обзорную Конференцию пришлось отложить на год. Без поддержки со стороны Соединенных

³³ Полное название – Protocol to the Convention on the prohibition of the development, production and stockpiling of bacteriological (biological) and toxin weapons and on their destruction. URL: <https://undocs.org/ru/BWC/AD%20НОС%20GROUP/CRP.8> (дата обращения: 02.01.2021).

³⁴ См. United Nations, Protocol... Article 9. INVESTIGATIONS. 3. (b) Investigations of alleged breaches of obligations under Article I of the Convention, to be conducted inside the perimeter around a particular facility at which there is a substantive basis for a concern that it is involved in activities prohibited by Article I of the Convention, hereinafter referred to as «facility investigations». 23. e) In the case of a request for a facility investigation, an investigation shall only proceed if formally approved by the Executive Council within 24 hours after being informed by the Director-General by a simple majority of its members present and voting.

³⁵ «Be prepared to pull the carpet from under everyone's feet» – фраза голландского дипломата, характеризующая отказ США от Протокола на 23-й сессии Специальной группы [16].

³⁶ Mahley D. Statement by the United States to the Ad Hoc Group of Biological Weapons Convention State Parties, Geneva. 25 July 2001. URL: <https://2001-2009.state.gov/t/ac/rls/rm/2001/5497.htm> (дата обращения: 19.12.2020).

³⁷ Позиция Дж. Болтона в отношении международного права представлена в его работах [34, 35]. Ее смысл в том, что международное право используется для ограничения возможностей США.

³⁸ Slavin B., Nichols B. Bolton a guided missile // USA TODAY. Posted 11/30/2003 6:29. URL: https://usatoday30.usatoday.com/news/washington/2003-11-30-bolton-usat_x.htm (дата обращения: 19.12.2020).

Штатов многие другие государства не хотели продолжать дебаты. Переговоры по Протоколу провалились³⁹. Их участникам стало очевидно, что в условиях отсутствия международной организации по укреплению КБТО ее функции взяли на себя США с правом определять, кто нарушает КБТО, а кто нет⁴⁰.

Составной текст Протокола. Составной текст устанавливает общие положения; определения терминов (всего 24 термина)⁴¹; перечни агентов и токсинов; перечни оборудования, которое присутствует или используется на производственном объекте; пороговые количества биологических агентов, предназначенных для оценки средств и методов защиты от бактериологического (биологического) и токсинного оружия.

Основные принципы, на которых строился режим проверки, в целом совпадали с КХО: объявления, то есть базовая информация о соответствующих возможностях каждого государства-участника; посещения, в ходе которых должна была оцениваться достоверность объявлений; расследования, в ходе которых должны проверяться утверждения о несоблюдении или предполагаемом несоблюдении Конвенции кем-либо из ее участников.

Режим проверки должен был находиться под контролем специальной международной структуры – Организации по запрещению бактериологического (биологического) и токсинного оружия (ОЗБО, англ. Organisation for the Prohibition of Bacteriological (Biological) and Toxin Weapons, OPBW). Заявки на размещение Организации были получены от правительств Нидерландов и Швейцарии, хотя VEREX тогда еще не приняла окончательного решения.

ОЗБО должна была состоять из трех основных органов: Конференции государств-участников – основного директивного органа; Исполнительного совета, контролировавшего повседневное выполнение Протокола и Технического секретариата – для оказания помощи

государствам-участникам в реализации Протокола, обслуживания директивного органа, а также для организации и проведения посещений и расследований.

Годовой бюджет организации закладывался в размере около 30 млн долларов США (по курсу 2000 г.), что примерно вдвое меньше, чем у ОЗХО.

Предполагалось, что в ОЗБО будет поступать информация, которую государства-участники считали конфиденциальной либо по причинам национальной безопасности, либо по коммерческим соображениям. Поэтому предполагался ряд мер по защите такой информации. Они были построены по образцу положений КХО, но являлись еще более строгими.

После Протокола. После выхода США из переговоров международный процесс укрепления КБТО угасал с каждой обзорной конференцией. В основном они давали «дополнительные понимания», содержащиеся в Заключительных декларациях⁴².

По итогам *шестой обзорной Конференции*, состоявшейся в 2006 г., был подготовлен заключительный документ, в котором отмечается, что встречи «функционировали как важный форум для обмена национальным опытом и углубленных дискуссий между государствами-участниками» и что они «породили большее общее понимание по поводу шагов, которые необходимо предпринять для дальнейшего усиления осуществления Конвенции».

Седьмая обзорная конференция проходила в Женеве с 5 по 22 декабря 2011 г. Документ Заключительной декларации подтвердил, что «при любых обстоятельствах использование бактериологического (биологического) и токсинного оружия фактически запрещено КБТО» и «решимость государств-участников осудить любое использование биологических агентов или токсинов, кроме мирных, кем-либо в любое время».

Восьмая обзорная конференция по КБТО, состоявшаяся в Женеве в ноябре 2016 г., при-

³⁹ Whitehair R., Brugger S. BWC Protocol Talks in Geneva Collapse Following US Rejection // Arms Control Association (September 2001). URL: http://www.armscontrol.org/act/2001_09/bwcsept01 (дата обращения: 19.12.2020).

⁴⁰ В отчете о соблюдении КБТО за 2017 г. Соединенные Штаты указали, что Россия – единственное государство, у которого есть нерешенные проблемы с соблюдением КБТО. URL: <https://www.armscontrol.org/factsheets/bwc> (дата обращения: 20.12.2020).

⁴¹ Некоторые делегации возражали против любого определения ключевых терминов, содержащихся в Протоколе. Особое неприятие вызывали определения таких терминов как «бактериологическое (биологическое) и токсинное оружие», «враждебные цели» и «цели, не запрещенные конвенцией». Формально они были обеспокоены тем, что любое определение этих терминов может подорвать «критерий общей цели» [32]. В действительности, размытость терминов позволяла бы как обвинять в нарушении КБТО любые страны, так и уходить от таких обвинений. Поэтому наша делегация получила указание включить в итоговый документ такие термины. Кроме того, в 42 НИИБ МО РФ был разработан глоссарий, которым должны были пользоваться наши эксперты во время переговоров по Протоколу (С.В. Петров).

⁴² Biological Weapons Convention. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Biological_Weapons_Convention#Review_Conferences (дата обращения: 19.12.2020).

няла заключительный документ, перекликавшийся с заключительным документом *седьмой обзорной конференции*. В то время как западные страны хотели найти способы реагирования на быстро прогрессирующие изменения в технологиях, большинство стран-участниц, включая Иран и некоторые государства Движения неприсоединения, рассматривали результаты как упущенную возможность для продвижения мер по укреплению юридически обязательного соглашения по запрещению разработки биологических агентов. Эти страны требовали продолжения переговоров, чтобы возобновить усилия по принятию Протокола КБТО.

Девятая обзорная конференция состоится в Женеве в конце 2021 г. на фоне пандемии COVID-19 и финансовых трудностей. По состоянию на 31 июля 2019 г. общая непогашенная задолженность стран-участников КБТО, распределенная между 95 странами, составляет 251382,46 долларов США. Непогашенная задолженность 34 стран составляет менее 100 долларов, а еще 43 страны – менее 1 тыс. долларов. У Бразилии был самый высокий непогашенный долг – 110948,23 доллара, а у Венесуэлы – второй по величине долг – 51272,91 доллара⁴³.

«Угасание» процесса укрепления КБТО не сопровождалось снижением биологической опасности, исходящей от новых биотехнологий двойного назначения (соматическая генная терапия, синтетическая биология, генный дизайн, болезни с измененным хозяином и др.), открывших возможности для разработки принципиально новых средств биологического поражения, каких не было ни в конце 1960-х гг., когда разрабатывалась КБТО, ни даже в 1990-х гг., когда пытались ее усилить⁴⁴.

***

Попытки полного запрета биологического оружия и контроля над его распространением, предпринимавшиеся с 1925 г., в 2001 г. по желанию только одной страны – США, закончились ничем. Осознание своей исключительности позволило им пренебречь результатами почти десятилетней работы экспертов ООН по укреплению КБТО, а также мнением своих

ближайших союзников из ЕС и НАТО. Позиция Российской Федерации в решении проблемы проверки соблюдения КБТО была менее значимой, чем позиция СССР при разработке самой конвенции. Это было связано с экономической и военной слабостью России в те годы, а также с ее мягкой внешней политикой, которая основывалась на доверии к западным «партнерам». Отсутствие возможности инспекций объектов, чья деятельность могла быть связана с разработкой биологического оружия и принципиально новых средств биологического поражения, облегчила США окружение России по ее западным и южным границам военно-биологическими центрами. При этом агрессивность обвинений Российской Федерации в нарушении конвенций по запрещению биологического и химического оружия значительно возросла, а распространяемая ложь стала еще более беспринципной, чем во время работы над Протоколом. Такая ситуация далеко не безопасна для Российской Федерации. Биологическая война может принять совершенно иные формы, чем те, которые предполагали разработчики КБТО. До сих пор не установлено происхождение коронавируса, вызвавшего пандемию COVID-19, нет однозначного понимания причин роста общей смертности российского населения при снижении рождаемости. В то же время постоянные обвинения в применении Россией ОМУ на территориях других стран (Великобритания – отравление Скрипалей; Германия – отравление Алексея Навального) формируют из России образ врага, против которого не только можно, но и нужно применить ядерное оружие. Поэтому нынешнюю ситуацию с контролем над биологическим оружием нельзя пускать на самотек. Должны быть разработаны меры по укреплению КБТО, учитывающие новые фундаментальные изменения в биотехнологиях двойного назначения. При этом надо учитывать, что разработанный в 1990-х гг. Протокол уже устарел, начиная с его терминологической основы.

⁴³ Biological Weapons Convention. URL: https://wikichi.ru/wiki/Biological_Weapons_Convention#Payment_issues (дата обращения: 20.12.2021).

⁴⁴ Такие технологии на настоящий момент времени подробно рассмотрены в предыдущем номере журнала в статье словацкого исследователя Яна Лакоты [36].

Информация о конфликте интересов

Авторы заявляют, что исследования проводились при отсутствии любых коммерческих или финансовых отношений, которые могли бы быть истолкованы как потенциальный конфликт интересов.

Сведения о рецензировании

Статья прошла открытое рецензирование двумя рецензентами, специалистами в данной области. Рецензии находятся в редакции журнала и в РИНЦе.

Список источников / References

1. Пунжин С.М. Химическое оружие и международное право. М. 2009.
Punzhin S.M. Chemical Weapons and International Law. Moscow. 2009 (in Russian).
2. Шило Н.И. Первые попытки запрещения химического оружия // Вестник войск РХБ защиты. 2018. Т. 2. № 1. С. 48–69. <https://doi.org/10.35825/2587-5728-2018-2-1-48-69>
- Shilo N.I. First attempts to ban chemical weapons // Journal of NBC Protection Corps. 2018. V. 2. № 1. P. 48–69. <https://doi.org/10.35825/2587-5728-2018-2-1-48-69> (in Russian).
3. Ключников Ю.В., Сабанин А.В. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. II. От империалистической войны до снятия блокады с Советской России. М. 1926.
Klyuchnikov Yu.V., Sabanin A.V. Modern international politics in treaties, notes and declarations. Part II. From the imperialist war to the lifting of the blockade from Soviet Russia. M. 1926 (in Russian).
4. Ганлиан Р., Бергендорф Ф. Химическое нападение и оборона. М. 1925.
Ganslian R., Bergendorf F. Chemical attack and defense. M. 1925 (in Russian).
5. The Problem of Chemical and Biological Warfare. Vol. IV. CB Disarmament Negotiations, 1920–1970. Stockholm. 1971. P. 58–71.
6. Medical aspects of chemical and biological warfare / Eds. Sidell F.R., Tafuqi E.T., Franz D.R. Washington. 1997.
7. Riedel S. Biological warfare and bioterrorism: a historical review // Proc (Bayl Univ Med Cent). 2004. V. 17. № 4. P. 400–406. doi: 10.1080/08998280.2004.11928002
8. Звонарев К.К. Агентурная разведка. М. 2005.
Zvonarev K.K. Intelligence. M. 2005 (in Russian).
9. Марценак. Бактериологическое оружие в современной войне // Советская ветеринария. 1935. № 4. С. 88–90; № 5. С. 92–95.
Martsenak. Bacteriological weapons in modern warfare // Soviet veterinary medicine. 1935. № 4. P. 88–90; No. 5. P. 92–95 (in Russian).
10. Дробинский И.Р. Проблема бактериальной войны и противобактериальная защита // Труды Украинского Мечниковского института. 1940. Т. VI. С. 87–123.
Drobinsky I.R. The problem of bacterial warfare and antibacterial protection // Proceedings of the Ukrainian Mechnikovsky Institute. 1940. V. VI. P. 87–123 (in Russian).
11. Hersh S. Chemical and Biological Warfare. America's Hidden Arsenal. New-York: The Bobbs-Merrill Company Indianapolis, 1967.
12. Powell Th. Biological warfare in the Korean War: allegations and cover-up // Socialism and Democracy. 2017. V. 31. № 1. P. 23–42. <https://doi.org/10.1080/08854300.2016.1265859>
13. Report on U.S. Crimes in Korea. 31st March 1952. International Association of Democratic Lawyers. https://web.archive.org/web/20131002045226/http://www.uwper.org/Index/Resources_files/Crime_Reports_1.pdf (дата обращения: 29.07.2020).
14. Report of the international scientific commission for the investigation of the facts concerning bacterial warfare in Korea and China / Ed. Needham J. Peking. 1952.
15. Ellis J. Biological warfare allegations: the Korean War case // Ann. New York Acad. Sci. 1989. P. 53–83.
16. Schmelzer C. Ambivalent Multilateralism. The United States and the Biological Weapons Convention. MA Thesis American Studies. 2013.
17. Koblenz G. Living Weapons: Biological Warfare and International Security. Ithaca and London: Cornell University Press, 2009.
18. Пермяков Г.Г. Император Пу И. Пять лет вместе // Рубеж. 2003. № 4. С. 279–308.
Permyakov G.G. Emperor Pu I. Five years together // Rubezh. 2003. No. 4. P. 279–308 (in Russian).
19. Chevrier M.I. «The Politics of Biological Disarmament» in Deadly Cultures: Biological Weapons Since 1945 / Eds. Wheelis M., Rózsa L., Dando M. Cambridge MA and London, England: Harvard University Press, 2006.
20. Goldblat J. Arms Control: A Guide to Negotiations and Agreements. London. 1994. <https://www.monde-diplomatique.fr/1994/05/A/45981> (дата обращения: 12.12.2021).
21. Myrdal A. The Game of Disarmament: How the United States and Russia Run the Arms Race. Nottingham: Spokesman, 1980.
22. Littlewood J. The Biological Weapons Convention: A Failed Evolution. Hampshire: Ashgate, 2005.
23. Ember L. Soviet anthrax dispute: details of 1979 outbreak presented // Chem. Eng. Nevs. 1988. V. 66. № 16. 4–5.
24. Soviet biowarfare efforts cited by Pentagon // Science. 1985. V. 228. № 4701. P. 828.
25. Robinson J.P. East–West Fencing at Geneva // Nature. 1980. V. 284. P. 393.
26. Haar B. The Future of Biological Weapons. Santa Barbara: Praeger, 1991.
27. Акимов П. США нарушают биологическую конвенцию // Зарубежное военное обозрение. 1987. № 3. С. 15–18.
Akimov P. USA violate the biological convention // Foreign military review. 1987. No. 3. P. 15–18 (in Russian).
28. Rosenberg B.H. Updating the biological weapons ban // Bull. Atomic Sci. 1987. V. 43. № 1. P. 40–43.
29. Справочник терминов и определений по противохимической и биологической защите населения / Под ред. Гладких В.Д., Назарова В.Б. М. 2016.
Chemical and biological defence glossary / Eds. Gladkikh V.D., Nazarov V.B. Moscow. 2016 (in Russian).
30. Thränert O. The Compliance Protocol and the Three Depository Powers // In: Biological Warfare and Disarmament: New Problems and Perspectives. Ed. Susan

Wright. New Delhi: Vision Books, 2003. P. 345–345.

31. Wright S., Wallace D. Secrecy in the Biotechnology Industry: Implications for the Biological Weapons Convention in Biological Warfare and Disarmament // In: Biological Warfare and Disarmament: New Problems and Perspectives. Ed. Susan Wright. New Delhi: Vision Books, 2003. P. 369–390.

32. Chevrier M. The Biological Weapons Convention: The Protocol that Almost Was // In: Verification Yearbook. London: VERTIC, 2001. P. 79–97. <https://www.semanticscholar.org/paper/The-Biological-Weapons-Convention%3A-the-protocol-was-Chevrier/0ada91aae7318200060913cc22bfc9a9b7dfd338>

33. van der Bruggen K., Haar B. The Future of Biological Weapons Revisited: A Concise History of

the Biological and Toxin Weapons Convention. The Hague: Netherlands Institute of International Relations Clingendael, 2011.

34. Bolton J. Should we take global governance seriously? // Chicago J. International Law. 2000 № 2. P. 205–222. URL. https://www.iatp.org/sites/default/files/Should_We_Take_Global_Governance_Seriously.htm (дата обращения: 19.12.2020).

35. Bolton J. Surrender is Not an Option: Defending America at the United Nations. New York: Threshold Editions, 2007.

36. Lakota Ján. Today's biothreats – where the past predictions meet the future // Journal of NBC Protection Corps. 2020. V. 4. № 4. P. 421–440. <https://doi.org/10.35825/2587-5728-2020-4-4-421-430>

Об авторах

Федеральное государственное бюджетное учреждение «27 Научный центр» Министерства обороны Российской Федерации, 105005, Российская Федерация, г. Москва, Бригадирский переулок, д. 13.

Петров Станислав Вениаминович. Главный научный сотрудник, д-р техн. наук.

Супотницкий Михаил Васильевич. Главный специалист, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.

Контактная информация для всех авторов: 27nc_1@mil.ru

Контактное лицо: Супотницкий Михаил Васильевич; 27nc_1@mil.ru

Protocol to the Convention on the Prohibition of Bacteriological (Biological) Weapons – History, Main Provisions, Significance and Reasons for Not Signing

S.V. Petrov, M.V. Supotnitskiy

Federal State Budgetary Establishment «27 Scientific Centre» of the Ministry of Defence of the Russian Federation, Brigadirskii Lane 13, Moscow 105005, Russian Federation

Received 30 January 2021. Accepted for publication 20 March 2021

The Convention on the Prohibition of the Development, Production and Stockpiling of Bacteriological (Biological) and Toxin Weapons and on Their Destruction (BTWC) does not have a legally binding verification regime. An attempt by the Ad Hoc Group of Experts, created by the UN Committee on Disarmament, to strengthen the BTWC by developing a legally binding document – the Protocol, was blocked by the United States in July 2001. The purpose of this work is to study the history, main provisions, significance and reasons for not signing the Protocol to the BTWC. The attention is paid to the events in biological weapons control, which have led a number of countries to the understanding of the necessity to develop the Protocol. The background of the US actions to block this document is the subject of special consideration. During the Second Review Conference on the Implementation of the Convention (8–25 September 1986, Geneva) the USSR, the German Democratic Republic and the Hungarian People's Republic proposed to develop and adopt the Protocol as an addition to the BTWC. This document was supposed to establish general provisions, definitions of terms, lists of agents and toxins, lists of equipment that was present or used at production facilities, threshold quantities of biological agents designed to assess means and methods of protection. The proposed verification mechanism was based on three «pillars»: initial declarations with the basic information about the capabilities of each State Party; inspections to assess the reliability of the declarations; investigations to verify and confirm or not confirm the alleged non-compliance with the Convention. The verification regime was to be under the control of an international organization – the Organization for the Prohibition of Bacteriological (Biological) and Toxin Weapons. However, the

US military and pharmaceutical companies opposed the idea of international inspections. The then US Undersecretary of State for Arms Control and International Security, John Robert Bolton II, played a special role in blocking the Protocol. During the Fifth Review Conference in December 2001, he demanded the termination of the Ad Hoc Group of Experts mandate for negotiations under the pretext that any international agreement would constrain US actions. The current situation with biological weapons control should not be left to chance. Measures to strengthen the BTWC should be developed, taking into account the new fundamental changes in dual-use biotechnology. It should be borne in mind, that the Protocol, developed in the 1990s, is outdated nowadays.

Keywords: : *bacterial war; biological war; biological weapons; protocol; the convention on the prohibition of the development, production and stockpiling of bacteriological (biological) and toxin weapons and on their destruction; disarmament.*

For citation: *Supotnitskiy M.V. Protocol to the Convention on the Prohibition of Bacteriological (Biological) Weapons – History, Main Provisions, Significance and Reasons for Not Signing // Journal of NBC Protection Corps. 2021. V. 5. № 1. P. 4–21. <https://doi.org/10.35825/2587-5728-2021-5-1-4-21>*

Conflict of interest statement

The authors declare that the research was conducted in the absence of any commercial or financial relationship that could be construed as a potential conflict of interest.

Peer review information

The article has been peer reviewed by two experts in the respective field. Peer reviews are available from the Editorial Board and from Russian Science Citation Index database.

References

See P. 19–20.

Authors

Federal State Budgetary Establishment «27 Scientific Centre» of the Ministry of Defence of the Russian Federation. Brigadirskii Lane 13, Moscow 105005, Russian Federation.

Stanislav Veniaminovich Petrov. Chief Researcher of the Centre. Doctor of Technical Sciences.

Mikhail Vasilyevich Supotnitskiy. Senior Researcher. Chief Specialist. Candidate of Biological Sciences.

Contact information for all authors: 27nc_1@mil.ru

Contact person: Mikhail Vasilievich Supotnitskiy; 27nc_1@mil.ru